

УДК 32.019.5

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206

Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации

Солдатенков И.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
E-mail: ivn256@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме концептуализации феномена политической идентичности в контексте сети Интернет. На основе анализа четырех этапов политического развития и особенностей онлайн-сферы выявляются причины, предопределяющие комплексность рассматриваемого объекта. Во-первых, с конца XX века и по настоящее время происходит процесс постепенной конвергенции оффлайн- и онлайн-пространства. В результате Интернет стал восприниматься не столько областью конструирования альтернативного «Я», сколько инструментом репрезентации себя «реального». Во-вторых, специфика коммуникации в глобальной сети, предоставляя огромные возможности конструирования политической идентичности, одновременно с этим предопределяет коллапс контекста, в результате чего в киберпространстве стирается грань между индивидуальным и коллективным аспектами идентичности. В работе осуществляется критическая оценка наиболее распространенных концептуализаций и представляется авторское определение «политическая онлайн-идентичность».

Ключевые слова: политическая идентичность, Интернет, социальные сети, сетевой фронтир, политическое сознание, сетевая коммуникация, политизация Интернета, политическая коммуникация

Для цитирования: Солдатенков И.В. 2022. Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 197–206. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206

Political identity on the internet: the problem of conceptualization

Ivan V. Soldatenkov

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: ivn256@yandex.ru

Abstract: The article is concerned with the problem of conceptualization of the phenomenon of political identity on the Internet. On the basis of analysis of four stages in the political development and the features of the online sphere, the reasons are identified that predetermine the complexity of this phenomenon. First, from the end of the 20th century to the present, there has been a process of gradual convergence of offline and online spaces. As a result, the Internet began to be perceived not so much as an area for constructing an alternative «I», but as portable representations of the «real» self. Secondly, specificity of communication in the global network, which creates significant opportunities for the construction of the political identity, predetermines the collapse of the context at the same time, as a result of which the line between individual and collective aspects of identity is blurred in the cyberspace. The article contains a critical assessment of the most common conceptualizations and puts forward the author's definition of «political online identity».

Keywords: political identity, Internet, social networks, network frontier, political consciousness, network communication, politization of the Internet, political communication

For citation: Soldatenkov I.V. 2022. Political Identity on the Internet: the problem of conceptualization. *Via in tempore. History and Political Science*. 49 (1): 197–206 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206

Введение

С каждым днем глобальная сеть Интернет оказывает все большее воздействие на жизнь общества, крепко переплетаясь со всеми сферами человеческой жизнедеятельности. Общество становится все ближе к идеалу информационного социума, в котором компьютерно-опосредованные сети выступают центральным фактором общественного развития, «формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время» [Кастельс, 2000, с. 26]

Как констатирует известный канадский исследователь М. Маклюэн, «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2003, с. 11], что актуально также для Интернета, выступающего сильнейшим фактором трансформации общественного взаимодействия. Не является исключением и область политики. В данной связи показателен факт возникновения концепций «электронной демократии» [Hague, Loader, 2005], «электронного правительства» [Janowski, 2015], «цифрового гражданства» [Mossberger, 2007].

Изменения, вызванные новым средством коммуникации, также не обходят стороной идентичность человека. Как показывают исследования, в контексте виртуальной реальности необходимо переосмыслить представления как о персональном [Turkle, 1995], так и о коллективном [Ackland, O'Neil, 2011] аспектах идентичности. Тем не менее в современной науке до сих пор не было предложено концептуализации политической идентичности в сети Интернет, которая принималась бы исследователями интерсубъективно. В рамках настоящей работы предпринята попытка дать обобщенное представление о данном феномене.

Сущность политической идентичности

Для достижения поставленной цели необходимо, прежде всего, охарактеризовать феномен политической идентичности в целом. В рамках данной работы мы будем опираться на концептуализацию, данную И.С. Семененко. Под «политической идентичностью» исследовательница понимает «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [Семененко, 2012, с. 71].

Наиболее важную роль в структурировании политической идентичности играет процесс отождествления себя с той или иной политической общностью – «политическая идентификация». Она, как отмечает О.В. Попова, «предполагает, во-первых, ясное представление человека о социальных группах и их специфике и, во-вторых, определение своего отношения к некоторым группам по ощущению «свой» – «чужой» [Попова, 2002, с. 52]. Второй аспект, в свою очередь, тесно связан с формированием образов «своей группы» и образа «другого», несущих позитивную или негативную эмоциональную окрашенность [Попова, 2009].

Мы также придерживаемся позиции о том, что идентичность является конструируемым феноменом (данный подход в той ли иной мере выражен в работах Дж. Мида [Мид, 1994], П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995], Э. Гидденса [Гидденс, 1995] и др.). Этот факт подчеркивает важность средств коммуникации, организующих значительную часть данных взаимодействий.

Политика и сеть Интернет: эволюция взаимодействия

Для того, чтобы выяснить, как онлайн-опосредованные формы социального взаимодействия могут детерминировать специфику сетевой политической идентичности, необходимо перейти к рассмотрению особенностей коммуникации в сети Интернет. За прошедшие несколько десятилетий данное пространство взаимодействий претерпевало значительные изменения в связи со стремительным развитием цифровых технологий, поэтому изложение особенностей глобальной сети коммуникаций не может осуществляться в отрыве от рассмотрения основных этапов становления её современного состояния.

Актуальной в данном ключе выступает концепция « сетевого фронта », предложенная исследователями Е.В. Морозовой, И.В. Мирошниченко и Н.А. Рябченко. Под « сетевым фронтом » коллектив авторов понимает « подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих социальных и культурных практик » [Морозова и др., 2016]. Дальнейшее рассмотрение трех этапов становления сетевого фронта позволит нам сформировать представление о том, как изменялось пространство онлайн-коммуникации, а также обозначить его ключевые характеристики.

Перед рассмотрением этапов развития сетевого фронта необходимо отметить, что связаны они, прежде всего, с появлением и распространением технологий Web 2.0. По нашему мнению, это несколько ограничивает представление о политическом развитии глобальной сети Интернет. Данный взгляд не обращает внимание на значительный политико-культурный пласт, сформированный на заре развития глобальной сети. Данное упущение может сузить представление о некоторых аспектах сетевой политической идентичности, поэтому в данном исследовании мы предлагаем – без претензии на пересмотр концепции « сетевого фронта » в целом – выделить и рассмотреть предварительный этап в его развитии.

Итак, в эпоху Web 1.0 (1990-е гг.) происходит, с одной стороны, формирование специфической для Интернета культуры и социальной среды, с другой – начало освоения глобальной сети оффлайн-актерами. Как отмечают Д.С. и Н.А. Мартьяновы, идейной предпосылкой формирования культурного феномена Интернета в 1990-х выступил киберпанк, согласно воззрениям сторонников которого « в результате развития информационных технологий границы между человеком и машиной размываются. А соответственно размываются и культурная, гендерная, политическая, этническая идентичность. На смену им приходит новая конструируемая идентичность, которая выбирается каждым осознанно » [Мартьянов, Мартьянова, 2012]. Своеобразным проявлением данной установки становится культура хакерства, активно развивающаяся в данный период [Кастельс, 2004, с. 63–67].

В то же время Интернет активно осваивается пользователями, не связанными с хакерским движением. Глобальная сеть начинает использоваться оффлайновыми общественными движениями в целях социальной мобилизации. Яркими проявлениями данной тенденции в 1990-е годы стало использование глобальной сети движением сапатистов, а также формирование гражданской сети Digital City [Кастельс, 2004, с. 173].

Таким образом, уже на заре развития Интернета мы наблюдаем действие двух тенденций: с одной стороны, распространение ценностей, тесно связанных с « хакерской этикой » [Himanen, 2010], с другой – активное проникновение в онлайн-пространство калейдоскопа оффлайн-актеров, использующих данное средство коммуникации для достижения собственных целей.

В свою очередь, на первом этапе сетевого фронта (1999–2008 гг.) [Морозова и др., 2016] в связи с генезисом социальных сетей и технологий Web 2.0 ускоряется процесс проникновения оффлайн-политики в онлайн-пространство. Развитие новых Интернет-ресурсов приводит к стремительному росту онлайн-сообществ и выдвижению сетевых лидеров. В онлайн-пространстве происходит в некотором роде « распад политики », в резуль-

тате которого «на смену властному доминированию национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями. Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление идентичности» [Морозова и др., 2016].

Тем не менее, как утверждает исследователь С.Н. Федорченко, ясно оформленные политические идентичности в сети Интернет в данный период не сложились [Федорченко, 2017]. Мы, в свою очередь, вынуждены не согласиться с данной позицией. Во-первых, в данный период происходит оформление «пиратской» идентичности с последующим формированием соответствующих партий. Так, 1 января 2006 года с созданием веб-сайта и опубликованием на нем манифеста возникает первое подобное объединение – шведская «Партия пиратов» [Anderson, 2009]. Во-вторых, в данный период Интернет становится коммуникативным пространством, где активно заявляет о себе виртуальная идентичность (здесь данное понятие стоит понимать в широком смысле). Это мы можем наблюдать на примере виртуальных государств, для которых онлайн-взаимодействие стало удобным способом самовыражения и поиска сторонников. В данном ключе можно отметить, например, Ладонию (основана в 1996 г.), «жители» которой активно взаимодействовали в виде онлайн-сообщества [De Castro, Kober, 2019].

На втором этапе сетевого фронта (2008–2014 гг.) влияние технологии Web 2.0 на социально-политическую жизнь общества становится более заметным. Возникают инновационные способы взаимодействия (сетевая мобилизация, краудсорсинг и др.) которые активно используются в ходе политического процесса [Мирошниченко и др., 2017].

Наиболее яркими событиями, продемонстрировавшими силу новых коммуникативных технологий, стали революции в рамках Арабской весны, массовые протесты 15 октября 2011 года, протесты в Турции 2013 г. и др. Как показали исследования, в ходе данных событий значительную роль играли такие средства мобилизации, как интернет-активизм, гражданская журналистика [Khamis, Vaughn, 2011], производство и распространение иных видов контента через социальные сети [Hermida et al., 2014].

В данный период в целом происходит «массовизация» [Мартынов, 2015] Интернета: глобальная сеть стремительно заполняется разношерстной аудиторией, далекой от киберкультуры. Вместе с тем «социализируется» и само онлайн-пространство, вследствие чего рядовым пользователем оно стало рассматриваться не столько полем возможностей по формированию альтернативной идентичности, сколько инструментом репрезентации себя «настоящего».

В рамках третьего этапа сетевого фронта (с 2014 г.) вовлечение оффлайн-акторов политики в онлайн-сферу углубляется. Более четко себя проявляют партийные, этнические, религиозные и др. организации, которые в сети Интернет находят мощнейший информационный ресурс, позволяющий поддерживать идентичность старых сторонников и привлекать новых. В то же время на авансцену выступает государство, предпринимающее активные попытки по установлению контроля над онлайн-пространством и его использованию как дополнительного средства осуществления политики идентичности [Морозова и др., 2016].

Особенности сети Интернет как пространства для формирования и репрезентации идентичности

Для большего понимания вектора возможного воздействия онлайн-пространства на специфику проявления политической идентичности необходимо также указать на некоторые отличительные черты, характеризующие Интернет-коммуникацию в целом.

Исследователь Р. Холт отмечает, что дискурс сети Интернет одновременно диалогичен и монологичен по своей природе. Первый атрибут предполагает такие составляющие,

как уникальность и непредсказуемость, второй – повторяемость и прогнозируемость. Совмещение данных характеристик придает Интернет-коммуникации свойство комплексности, отличающее её от других форм взаимодействия. При этом такая комплексность предоставляет огромные возможности для социального конструирования [Holt, 2004].

При этом онлайн-пространство глобально и не ограничено темпорально по своей сущности. Однако, как отмечают исследователи, процесс стремительного роста каналов распространения информации, вызванный появлением Интернета, приводит скорее к диффузии аудитории и, как следствие, к демассификации коммуникации [Cain, 2020].

В данной связи стоит отметить, что Интернет повлиял на развитие новой модели социальности – «сетевого индивидуализма» [Кастельс, 2004; Wellman, 2001]. Эта модель предполагает, что индивиды самостоятельно формируют социальные сети, основываясь на собственных потребностях и ценностях, игнорируя окружающий их физический контекст. При этом данный тип взаимодействия может адаптироваться не только отдельными индивидами, но и целыми сообществами [Soon, Kluver, 2014; Baym, 2015].

Также стоит обратить внимание на то, что сеть Интернет, выступая каналом коммуникации с высокой степенью интерактивности, также предоставляет пользователям широкие возможности по формированию желаемого образа «себя». В данном ключе, конечно, выделяются социальные сети с их богатым набором технических возможностей по формированию онлайн-личности. Особенно важно, что, если отдельные аспекты идентичности индивида в оффлайн-мире проявляются в зависимости от той или иной социальной ситуации, то в онлайн-пространстве происходит «коллапс контекста» [Magwick, 2013], в результате которого онлайн-личность становится видна всем другим пользователям во всей полноте. Исследовательница З. Папачарисси отмечает, что данное явление накладывает значительный эффект на процесс социального взаимодействия в глобальной сети: «В ежедневных циклах самопрезентации и формирования впечатлений индивиды... смешивают в онлайн-социальные сферы, которые могут быть разделены в оффлайне, смешивая таким образом области приватного и публичного» [Papacharissi, 2011, p. 304–318].

Специфика феномена политической идентичности в онлайн-среде

Политическая идентичность в контексте киберпространства остается в настоящее время малоисследованным феноменом. В качестве причин этого можно отметить, что, во-первых, процесс развития сети Интернет придал феномену идентичности характеристики комплексности и изменчивости, что затрудняет анализ ее политического аспекта, во-вторых, само киберпространство до сих пор выступает *terra incognita* для науки. В результате исследователи, предпринимавшие попытки дать концептуализацию рассматриваемого феномена, зачастую охватывали своим взором лишь отдельные его стороны [Жаде, Ляушева, 2016].

Вследствие этого в научной литературе можно встретить множество неоднородных по смыслу концептуализаций идентичности в контексте киберпространства: «сетевая идентичность», «виртуальная идентичность», «киберидентичность», «онлайн-идентичность» и т. п. Далее мы более детально рассмотрим наиболее распространенные определения и очертим их проблемные стороны.

Так, О.Н. Астафьева трактует «сетевую идентичность» как одну из составляющих «социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном, потребление и передача знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего – в компьютерном виртуальном пространстве» [Астафьева, 2007]. Недостатком данного подхода выступает то, что он применим для сообществ, напрямую связанных с Интернет-сетью (это, например, хакеры), в результате чего из поля зрения исключается оффлайн-социум.

Л.А. Фадеевой предлагается альтернативный подход к определению понятия «сетевая идентичность», под которым она понимает «отождествление человеком (пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети; виртуальная самопрезентация. В то же время ее можно рассматривать и как разновидность пространственной идентичности, имея в виду виртуальное пространство информационно-коммуникационных потоков как среду и одновременно как ориентир самоидентификации» [Фадеева, 2016, с. 67–69]. Данное определение в целом фиксирует некоторые базовые признаки рассматриваемого феномена.

Тем не менее сам концепт «сетевая идентичность» предполагает двусмысленность. Он отсылает не только к Интернет-пространству, но и к особой модели социального взаимодействия, которая может разворачиваться вне онлайн-сферы. Таким образом, «сетевая политическая идентичность» может обозначать также «политическую идентичность, сконструированную в соответствии с сетевыми принципами, как, например, в случае пиратских партий» [Мартьянов, 2014].

Понятие «виртуальная идентичность» в целом трактуется похожим образом. Например, определение исследователей Е.Л. Солдатовой и Д.Н. Погорелова объединяет в себе вышерассмотренную концептуализацию О.Н. Астафьевой и пространственный аспект трактовки Л.А. Фадеевой [Солдатова, Погорелов, 2018]. Тем не менее некоторые авторы предпринимают попытки разграничения. Так, А.Е. Войкунский предлагает «закрепить наименование «виртуальность» не за всякой активностью онлайн, а за поведением, связанным именно и только с применением технических систем виртуальной реальности – виртуальных миров, конструируемых посредством программ компьютерной графики и демонстрируемых с помощью специальных средств отображения» [Войкунский, 2013].

Как и в случае с предыдущим определением, данный концепт также может иметь двойной смысл. «Виртуальная идентичность» может означать совокупность установок, направленных на любые возможные, не связанные с реальностью объекты, которые не обязательно должны быть опосредованы информационными технологиями.

Однако главной проблемной точкой вышерассмотренных определений выступает то, что в качестве одного из основных компонентов идентичности в глобальной сети они называют самоотождествление индивида с той или иной группой, действующей в Интернет-пространстве. Мы полагаем, что многие онлайн-группы не выступают репрезентантами оффлайн-сообществ в их целостности, поэтому не могут являться полноценным объектом идентификации. Данные группы выступают скорее элементом, с помощью которого индивид конструирует свою оффлайн-идентичность. Иными словами, обозначая свою принадлежность к тому или иному онлайн-сообществу и взаимодействуя с ним, индивид демонстрирует свою принадлежность к более обширной социальной группе из пространства «реального». Это, конечно, не касается тех сообществ, генезис которых напрямую связан с киберкультурой, однако выше было показано, что данные группы в пространстве Интернета носят маргинальный характер.

С.В. Бондаренко предлагает концепт «групповая политическая идентичность участников виртуальных сетевых сообществ», под которым подразумевается «ощущение групповой сплоченности, основанное на эмпатии, приверженности групповым социальным ценностям, доверии и общем идеологическом дискурсе» [Бондаренко, 2005]. Данное определение также представляется недостаточным, поскольку оно фиксирует скорее характеристики политической идентичности вообще, не специфицируя ее в онлайн-контексте.

Учитывая недостатки вышерассмотренных трактовок и принимая во внимание особенности глобальной сети, мы предлагаем использовать понятие «политическая онлайн-идентичность», под которой необходимо понимать репрезентуемые с помощью Интернет-технологий ориентации и предпочтения, выражающие представление индивида о себе и о других в контексте политического процесса, а также отождествление себя с сообществом политического характера, происхождение которого может быть связано как с онлайн-, так и с оффлайн-пространством.

Заключение

В рамках данной статьи нами было выявлено, что процесс трансформации Интернет-пространства за последние несколько десятилетий серьезно повлиял на то, как исследователями воспринимался феномен политической идентичности в контексте глобальной сети. Вкупе с малоизученностью киберпространства в целом это привело к появлению множества концептуализаций, освещающих лишь отдельные стороны указанного феномена. В работе нами был критически оценен ряд таких определений, а также представлен авторский концепт «политическая онлайн-идентичность», призванный преодолеть отмеченные недостатки.

Список литературы

- Астафьева О.Н. 2007. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах. Вісник Харківського національного університета: Теорія культури та філософія науки. 776: 120–133.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 323.
- Бондаренко С.В. 2005. Политическая идентичность в киберпространстве. Политическая наука. (3): 76–92.
- Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. 2013. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 10 (2): 98–120.
- Гидденс Э. 1995. Элементы теории структурации. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, изд-во Новосибирского университета. 1995: 41–80.
- Жаде З.А., Ляушева С.А. 2016. Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности. Общество: социология, психология, педагогика. (1): 10–14.
- Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург, У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 328.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., ГУ ВШЭ, 608.
- Маклюэн М. 2003. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково Поле», 464.
- Мартьянов Д.С. 2015. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. (1): 44–52.
- Мартьянов Д.С. 2014. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 10 (4): 142–160.
- Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. 2012. Дискурсивные аспекты этнической идентичности в интернете. Вестник СГУТиКД. (2): 233–238.
- Мид Дж. 1994. Аз и Я. Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 227–237.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2017. Сетевые механизмы формирования идентичностей. Государство и граждане в электронной среде. (1): 216–228.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. 2016. Фронтир сетевого общества. Мировая экономика и международные отношения. 60. (2): 83–97.
- Семененко И.С. 2012. Политическая идентичность. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 71–76.
- Попова О.В. 2009. Особенности политической идентичности в России и странах Европы. ПОЛИС. Политические исследования. (1): 143–157.
- Попова О.В. 2002. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. Автономная некоммерческая организация «Издательство Санкт-Петербургского государственного университета», 258.
- Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. 2018. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. Образование и наука. 20 (5): 105–124.

- Фадеева Л.А. 2016. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал. *Политическая наука.* (2): 164–180.
- Федорченко С.Н. 2017. Политические идентичности в социальных сетях Интернета. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология.* (2): 29–46.
- Ackland R., O'Neil M. 2011 Online collective identity: The case of the environmental movement. *Social Networks.* 33 (3): 177–190.
- Anderson N. Political pirates: A history of Sweden's Piratpartiet. Arstechnica. 2009. Electronic resource. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/> (accessed: 24.12.2021)
- Baym N.K. 2015. Personal connections in the digital age. John Wiley & Sons, 196.
- Cain J.A. 2020. I'm the One: Social Media, Social Identity, and Elections. *Online Journal of Communication and Media Technologies.* 10 (4).
- De Castro V.B., Kober R. 2019. The Royal Republic of Ladonia: A Micronation built of Driftwood, Concrete and Bytes. *Shima.* 13 (1): 115–135.
- Hague B.N., Loader B.D. 2005. Digital democracy: Discourse and decision making in the information age. Routledge, 296.
- Hermida A., Lewis S.C., Zamith R. 2014. Sourcing the Arab Spring: A case study of Andy Carvin's sources on Twitter during the Tunisian and Egyptian revolutions. *Journal of computer-mediated communication.* 19 (3): 479–499.
- Himanen P. 2010. The hacker ethic. Random House, 255.
- Holt R. 2004. Dialogue on the Internet: Language, civic identity, and computer-mediated communication. Greenwood Publishing Group, 2004, 256.
- Janowski T. 2015. Digital government evolution: From transformation to contextualization. *Government information quarterly.* 32 (3): 221–236.
- Khamis S., Vaughn K. 2011. Cyberactivism in the Egyptian revolution: How civic engagement and citizen journalism tilted the balance. *Arab Media and Society.* 14 (3): 1–25.
- Marwick A.E. 2013. Online identity. A companion to new media dynamics, 355–364.
- Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. 2007. Digital citizenship: The Internet, society, and participation. MIT Press, 221.
- Papacharissi Z.A. (ed.) 2011. A networked self: Identity, community, and culture on social network sites. Routledge, 336.
- Soon C., Kluver R. 2014. Uniting political bloggers in diversity: Collective identity and web activists. *Journal of Computer-Mediated Communication.* 19 (3): 500–515.
- Turkle S. 1995. Life on the Screen. Simon and Schuster, 347.
- Wellman B. 2001. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism. *International Journal of Urban and Regional Research.* (1): 227–252.

References

- Astaf'eva O.N. 2007. Virtual'nye soobshhestva: «setevaja» identichnost' i razvitie lichnosti v setevykh prostranstvah [Virtual Communities: «Networked» Identity and Personality Development in Networked Spaces]. *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universiteta: Teorija kul'turi ta filosofija nauki.* 776: 120–133.
- Berger P., Lukman T. 1995. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge.]. M.: Medium, 323
- Bondarenko S.V. 2005. Politicheskaja identichnost' v kiberprostranstve [Political identity in cyberspace]. *Politicheskaja nauka.* (3): 76–92.
- Vojskunjij A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.J. 2013. Setevaja i real'naja identichnost': sravnitel'noe issledovanie. Psihologija [Network and real identity: a comparative study]. *Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki.* 10 (2): 98–120. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2013-2-98-121>
- Giddens A. 1995. Jelementy teorii strukturacii [Elements of the Theory of Structuration]. *Sovremennaja social'naja teorija: Burd'e, Giddens, Habermas.* Novosibirsk, izd-vo Novosibirskogo universiteta. 1995: 41–80.
- Zhade Z.A., Ljausheva S.A. 2016. Novye tendencii v issledovanii setevoj identichnosti [New trends in the study of online identity]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika.* (1): 10–14.

- Castells M. 2004. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internetu, biznese i obshhestve [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg: U-Faktorija (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 328.
- Castells M. 2000. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura [The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture]. Per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana. M.: GU VShJe, 608.
- McLuhan M. 2003. Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding media: the extensions of man]. Per. s angl. V. Nikolaeva. M.; Zhukovskij: «KANON-press-C.», «Kuchkovo Pole», 464.
- Mart'janov D.S. 2015. Ot setevoj identichnosti k politike identichnosti v seti internet: smena paradigmi [From online identity to identity politics on the Internet: a paradigm shift]? Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. (1): 44–52.
- Mart'janov D.S. 2014. Setevaja identichnost': transformacija fenomena i podhodov k izucheniju [Network identity: transformation of the phenomenon and approaches to study]. Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS. 10 (4): 142–160.
- Mart'janov D.S., Mart'janova N.A. 2012. Diskursivnye aspekty jetnicheskoj identichnosti v internete [Discursive aspects of ethnic identity on the Internet]. Vestnik SGUTKD. (2): 233–238.
- Mead Q. 1994. Az i Ja [The I and the Me]. Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': teksty. M.: Izd-vo MGU, 227–237.
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. 2017. Setevye mehanizmy formirovanija identichnostej [Network mechanisms for the formation of identities]. Gosudarstvo i grazhdane v jelektronnoj srede. (1): 216–228. DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2017-1-216-228>
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Rjabchenko N.A. 2016. Frontir setevogo obshhestva [Frontier of the network society]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 60. (2): 83–97. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-2-83-97
- Semenenko I.S. 2012. Politicheskaja identichnost' [Political identity]. Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. T. 1: Identichnost' kak kategorija politicheskoj nauki: slovar' terminov i ponjatij. M.: ROSSPEN, 71–76.
- Popova O.V. 2009. Osobennosti politicheskoj identichnosti v Rossii i stranah Evropy [Features of political identity in Russia and European countries]. POLIS. Politicheskie issledovanija. (1): 143–157.
- Popova O.V. 2002. Politicheskaja identifikacija v uslovijah transformacii obshhestva [Political identification in the conditions of society transformation]. Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija «Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta», 258.
- Soldatova E.L., Pogorelov D.N. 2018. Fenomen virtual'noj identichnosti: sovremennoe sostojanie problem [The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem]. Obrazovanie i nauka. 20 (5): 105–124.
- Fadeeva L.A. 2016. Identichnost' kak kategorija politicheskoj nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyj potencial [Identity as a category of political science: research field and cognitive potential]. Politicheskaja nauka. (2): 164–180.
- Fedorchenko S.N. 2017. Politicheskie identichnosti v social'nyh setjah Interneta [Political identities in the social networks of the Internet]. Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija. (2): 29–46.
- Ackland R., O'Neil M. 2011 Online collective identity: The case of the environmental movement. Social Networks. 33 (3): 177–190. DOI:10.1016/j.socnet.2011.03.001
- Anderson N. Political pirates: A history of Sweden's Piratpartiet. Arstechnica. 2009. Electronic resource. Available at: <https://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/> (accessed: 24.12.2021).
- Baym N.K. 2015. Personal connections in the digital age. John Wiley & Sons, 196. DOI:10.1080/10714421.2011.573442
- Cain J.A. 2020. I'm the One: Social Media, Social Identity, and Elections. Online Journal of Communication and Media Technologies. 10 (4). DOI:10.30935/ojcm/9142
- De Castro V.B., Kober R. 2019. The Royal Republic of Ladonia: A Micronation built of Driftwood, Concrete and Bytes. Shima. 13 (1): 115–135. DOI:10.21463/shima.13.1.10
- Hague B.N., Loader B.D. 2005. Digital democracy: Discourse and decision making in the information age. Routledge, 296. DOI: 10.4324/9780203984031

- Hermida A., Lewis S.C., Zamith R. 2014. Sourcing the Arab Spring: A case study of Andy Carvin's sources on Twitter during the Tunisian and Egyptian revolutions. *Journal of computer-mediated communication*. 19 (3): 479–499. DOI:10.1111/jcc4.12074
- Himanen P. 2010. *The hacker ethic*. Random House, 255.
- Holt R. 2004. *Dialogue on the Internet: Language, civic identity, and computer-mediated communication*. Greenwood Publishing Group, 2004, 256. DOI:10.5860/choice.42-5071
- Janowski T. 2015. Digital government evolution: From transformation to contextualization. *Government information quarterly*. 32 (3): 221–236. DOI:10.1016/j.giq.2015.07.001
- Khamis S., Vaughn K. 2011. Cyberactivism in the Egyptian revolution: How civic engagement and citizen journalism tilted the balance. *Arab Media and Society*. 14 (3): 1–25.
- Marwick A.E. 2013. Online identity. *A companion to new media dynamics*, 355–364.
- Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. 2007. *Digital citizenship: The Internet, society, and participation*. MIT Press, 221. DOI: 10.7551/mitpress/7428.001.0001
- Papacharissi Z.A. (ed.) 2011. *A networked self: Identity, community, and culture on social network sites*. Routledge, 336. DOI: 10.4324/9780203876527
- Soon C., Kluver R. 2014. Uniting political bloggers in diversity: Collective identity and web activists. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 19 (3): 500–515. DOI:10.1111/jcc4.12079
- Turkle S. 1995. *Life on the Screen*. Simon and Schuster, 347.
- Wellman B. 2001. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*. (1): 227–252.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солдатенков Иван Вячеславович, аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Soldatenkov, Postgraduate student of the Department of political institutions and applied political science, Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation